

Е.В. Пчелов

Рюрик и начало Руси

К 1150-летию российской государственности

Опубликовано в качестве отдельного издания – Пчелов Е.В. Рюрик и начало Руси. М., 2012. 60 с.

В 2012 году официально объявлен 1150-летний юбилей российской государственности. За её условное начало взята дата 862 год – год призвания на княжение трёх братьев-варягов Рюрика, Синеуса и Трувора. Эта дата известна из древнейшей дошедшей до нас летописи – «Повести временных лет», и это первое событие из истории России, которое имеет точную летописную датировку. Поскольку от Рюрика пошла большая династия русских князей и царей, правившая на Руси на протяжении почти семи с половиной веков, и, именно начиная с него, можно проследить непрерывную череду правителей России, то призвание Рюрика можно считать началом истории государственной власти в нашей стране. Династия Рюриковичей, как «становой хребет», скрепляла собой многие века русской истории. Рюриковичи – это то, что объединяет Древнюю, домонгольскую Русь с Русью удельной, и затем Московской, с Московским царством, а через свойство с династией Романовых – и с Российской Империей. Разумеется, государство не создаётся одномоментно. Но есть события, являющиеся знаковыми для образования государств, и к числу таких событий, безусловно, может быть отнесено начало правящей династии. Начало же династии Рюриковичей ознаменовано призванием варяжских князей на Русь, произошедшим в 862 году.

Такой взгляд был характерен уже для древнерусских летописцев, придававших призванию варягов большое значение (наряду с некоторыми другими событиями ранней русской истории), а в императорской России, со времён Николая I, именно 862 год официально считался годом начала истории нашей страны. В 1862 г., как известно, состоялись торжества по случаю 1000-летия России, памятником которых остался великолепный монумент в Великом Новгороде, где собственно и началось, согласно известию «Повести временных лет», княжение Рюрика. По смыслу нынешний юбилей имеет полное право на существование, и он действительно исторически обоснован (в отличие от некоторых надуманных юбилеев недавнего времени). Реальность события, которое за ним стоит, научным сообществом сомнению ныне не подвергается. А условность летописной даты несколько не умаляет её значения. Ведь каким-то образом летописец эту дату определил, и, как бы то ни было, именно она является отправной точкой в истории первой русской правящей династии, государственной власти, а следовательно и российской государственности.

Однако призвание варягов несёт в себе и подспудный груз непростой «наследственности», связанной с «проклятым вопросом» русской истории – т.н. «норманской теорией» и её идейной оппозицией, «антинорманизмом». Хотя в исторической науке этот вопрос уже давно и вполне успешно решён, в околонучных кругах и, тем более, в сознании обывателей до сих пор появляются рецидивы тех напряжённых споров, которые сопровождали варягов на протяжении двух веков их историографического существования. Ранняя русская история, история языческой Руси в массовом сознании наполнена различными мифами – чего стоит хотя бы знаменитая «В(е)лесова книга», давно признанная исторической наукой фальшивкой. Многотысячными тиражами издаются фантастические книги по, якобы, древней истории славян и русов, «расшифровываются» загадочные письмена, романтизируется и фальсифицируется славянское язычество. Начало нового века ознаменовалось

своеобразной реанимацией давно отвергнутых наукой идей и взглядов и, прежде всего, т.н. «антинорманизма», отсылающего к историографическим построениям полуторавековой и более давности. Именно поэтому необходимо обозначить современный научный взгляд на эти вопросы и рассмотреть их с позиции научных данных, а не псевдонаучных рассуждений, столь популярных сегодня.

Казалось бы, сам текст «Повести временных лет» не оставляет сомнений в этническом происхождении варягов. Они однозначно ассоциируются с «русью», а та столь же однозначно помещается в контекст североевропейских народов скандинавского региона. Варяги в летописи – своего рода собирательное наименование этих племён, среди которых летописец называет свеев (шведов), урманов (норвежцев), готов (жителей о. Готланд). «Те варяги назывались русью, как другие называются шведы, а иные норманны и англты, а ещё иные готландцы, – вот так и эти», – отмечает летописец в статье под 862 годом. Да и само происхождение слова «русь» летопись связывает с варягами: «А славянский народ и русский един, от варягов ведь прозвались Русью, а прежде были славяне» («Повесть временных лет» под 898 годом). Иными словами, название «русь» пришло вместе с варягами и не является исконно славянским.

По поводу происхождения этого слова высказывались разные гипотезы. Но одно можно сказать абсолютно точно – популярная когда-то точка зрения о связи названия «Русь» с названием одного из притоков Днепра, реки «Рось», абсолютно несостоятельна. Наиболее аргументированной в настоящий момент является гипотеза о скандинавском происхождении этого слова через финское заимствование. В основе этого названия лежит реконструируемый древнескандинавский корень – *rōþ-*, восходящий к древнегерманскому глаголу в значении «гребти». Этот корень отразился в ряде форм, означавших «греблю», «весло», «плавание на вёсельных судах», так и самих участников таких плаваний, которые обозначались словами «*gōþsmæn*», «*gōþskarlar*». В VI–VII вв., т.е. ещё в довикингскую эпоху, скандинавы проникают в Западную Финляндию и северную Прибалтику, а позднее и далее на восток. Отправлявшиеся в Восточную Европу, пути по которой проходили по рекам, они именовали себя росами (викингами называли себя скандинавы в морских плаваниях на Западе). В финских языках, а финно-угорские племена (такие как чудь, весь, меря) занимали огромные территории на севере, в т.ч. и на севере будущей Руси, это слово приобрело форму *ruotsi*. В финском и эстонском языках до сих пор так называют шведов. Затем через финское посредничество слово пришло к восточным славянам, где приняло форму «русь». Поскольку скандинавские князья и их дружина играли большую роль в образовании древнерусского государства, то слово, использовавшееся для обозначения этого скандинавского слоя в восточнославянском обществе, перешло на подвластные племена и стало названием страны.

Русские летописи называют Рюрика и его братьев варягами. Однако слово варяг имеет позднее происхождение и появилось, по всей видимости, только на рубеже X–XI в. Впервые оно зафиксировано в конце 1020-х гг. в произведении великого учёного-энциклопедиста арабского мира ал-Бируни. Варягами (в древнескандинавском варианте – *vætingjar*, прототип русского слова варяг) назывались воины-скандинавы, которые служили наёмниками в византийском императорском войске. Само слово восходит к скандинавскому корню «*var*», что означает «обет» или «клятва». Иными словами, варяги – это те, кто давал клятву верности при поступлении на службу. Во второй половине XI – начале XII в., когда началось русское летописание, слово «варяги» было хорошо известно как обозначение скандинавов, находившихся в Восточной Европе. Поэтому оно и было перенесено летописцем на «варягов» IX в., в т.ч. и на Рюрика с братьями. Сами же они варягами себя не называли. Сейчас мало сомнений в том, что эти «варяги» как раз и именовали себя росами, т.е. русью (в восточнославянском варианте этого слова). Русь же в древнескандинавских источниках именовалась Гардар (Гарды) («поселения», позднее переосмыслено в «города»), название Гардарики («страна гардов») становится общеупотребительным только начиная с XIII в. Новгород скандинавами именовался

Хольмгард, Ладога – Альдейгьюборг, Киев – Кэнугард, а Константинополь – Миклагард (букв. «великий город»).

Само по себе происхождение правителей государства и даже некоторой части военной и торговой элиты (а варяги на Руси были в большинстве своём или воинами, или торговцами) – явление отнюдь не уникальное в мировой истории. Вспомним, что, например, слово «болгары», как и правящая династия в Болгарии и её окружение примерно в те же времена, что и варяги на Руси, имело совсем не славянские, а тюркские корни. Можно привести и много других примеров. Но в тот период, когда происхождение династии напрямую увязывалось с происхождением государства, этот факт мог показаться вызывающим – в самом деле, раз Рюриковичи и их окружение были варягами, то значит варяги и создали русское государство, на что местные славяне, получается, оказались неспособны. Именно эта идея и оказалась магистральной для всех околославянских споров в науке и обществе с середины XVIII по середину XX в. Такие представления о формировании государства, истории раннесредневековой Восточной Европы и роли тех или иных этносов в ней, сопряжённые с утверждением национального самосознания, были вполне естественны в XVIII и даже в первой половине XIX в. Но когда историческая наука стала настоящей наукой и был накоплен огромный фактический материал, а методы исследования приобрели качественно новый характер, эти представления ушли в прошлое. Тем более странны они сейчас, в современном мире, казалось бы, ушедшем от поисков национальной исключительности и национальных приоритетов. Тем не менее, варяги до сих пор ещё остаются болевой точкой русской истории. Начало же этой долгой дискуссии было положено в XVIII веке (хотя оно и имело некоторую предысторию).

Ещё в начале XVI в. у европейских авторов появилось предположение, что варяги на самом деле являлись славянским племенем вагров, жившим в древности на южном побережье Балтийского моря. Ответ на вопрос был найден простым путём – по созвучию названий. Такие «народные этимологии» были очень распространены в эпоху Возрождения и раннего Нового времени – как раз тогда, когда формировались национальные государства и история многих народов искусственно удревнялась, порой вплоть до античных и уходящих вглубь веков времён. Легенды о происхождении народов и их правителей обретали немалую популярность, в том числе и в раннеисторических трудах, а поиск созвучий оказывался распространённым методом поиска собственных корней. Такие «книжные конструкции» опирались не только на созвучие названий (так, например, славянских вендов, как называли балтийских славян германцы, отождествляли с германцами-вандалами, русов с балтским племенем пруссов, а росов – с ираноязычными роксоланами, известными античным авторам, начиная со Страбона), но и порой на совпадение территорий проживания древних и более поздних племён. Понятно, что одного созвучия или территориальной близости недостаточно для однозначных выводов – но исторические представления в те времена были именно такими, во многом наивными и некритическими.

В то же время уже в начале XVII в. существовало и мнение о скандинавском происхождении варягов. Эта мысль утвердилась у шведских авторов, первым из которых был Пётр Петрей, проживший в России несколько лет и позднее опубликовавший «Историю о великом княжестве Московском», в которой, ссылаясь на слова новгородского посольства, приглашавшего на престол шведского принца, отметил большую вероятность того, что варяги были шведами. Но с научной точки зрения вопрос о варягах был разработан впервые академиком Петербургской академии наук Г.-З. Байером, опубликовавшим в 1735 г. работу «О варягах», написанную, как и было положено в академической науке того времени, на латыни. В ней Байер, опираясь на иностранные источники IX–XI вв., русские летописные тексты и, что немаловажно, на данные лингвистики обосновал скандинавское происхождение варягов, которое признано и современной исторической наукой. Казалось бы, дальнейшая разработка этой научной

темы должна была остаться в рамках именно науки, но уже в конце 1740-х гг. варяжский вопрос оказался в эпицентре идейного противостояния.

Для планировавшейся публичной ассамблеи Академии наук в сентябре 1749 г., приуроченной ко дню тезоименитства императрицы Елизаветы Петровны, подготовили свои выступления два профессора – историк Г.-Ф. Миллер и М.В. Ломоносов. «Слово похвальное императрице Елизавете Петровне» Ломоносова стало выдающимся произведением ораторского мастерства, а Миллер выбрал для своей «диссертации» «предмет самый скользкий» – называлась она в переводе на русский язык «Происхождение народа и имени российского». Уже при первом знакомстве с работой Миллера она вызвала сложную реакцию. Диссертацию передали на отзыв шести членам Академии на предмет «не сыщется ль в оной чего для России предосудительного» и по мнению пяти из шести рецензентов это «оное» в диссертации «сыскалось». Большинство рецензентов сошлось во мнении, что текст Миллера читать в публичном собрании и распространять в напечатанном виде нельзя. Однако Миллер потребовал публичного обсуждения диссертации академическим сообществом, и это обсуждение растянулось на несколько месяцев, во время которых состоялось 29 заседаний академической Конференции. Наконец, летом 1750 г. было принято окончательное решение по диссертации, носившее отрицательный характер, а почти весь уже отпечатанный её тираж был уничтожен (опубликован её текст в России полностью был только в 2006 г.). Что же так возмутило коллег Миллера в его работе? В ней учёный писал о скандинавской природе варягов и скандинавском же происхождении самого названия «Русь», которое он справедливо выводил из финского заимствования. Кроме того, Миллер полагал, что даже какая-то часть русского народа имела иностранное, а вернее, скандинавское происхождение.

Ситуацию, в которой появилась диссертация Миллера, в своё время блестяще охарактеризовал В.О. Ключевский: «То был самый разгар национального возбуждения, которое появилось после царствования Анны и которому была обязана престолом Елизавета Петровна. Минувшее десятилетие стало предметом самых ожесточенных нападков; даже церковные проповеди обратились в политические памфлеты, направленные против этого тёмного десятилетия. С церковной кафедры говорили, что хищные совы и нетопыри засели тогда в гнезде российского орла. Новое, национальное царствование началось среди войны со Швецией, которая кончилась миром в Або 1743 г. В это время готовится сказать по случаю тезоименитства государыни на торжественном заседании Академии, что шведы дали Руси и народное имя и государей, едва ли значило украсить торжество». Именно такую реакцию и вызвало произведение Миллера и в учёных, и в придворных кругах.

Одним из наиболее резких оппонентов Миллера был Ломоносов, который в своём отзыве писал: «Происхождение первых великих князей российских от безымянных скандинавов в противность Несторову свидетельству, который их именно от варягов-руси производит, происхождение имени российского весьма недревнее, да и то от чухонцев, в противность же ясного Несторова свидетельства; презрение российских писателей, как Преподобного Нестора, и предпочтение им своих неосновательных догадок и готических басней (*вероятно, скандинавских саг*); наконец частые над россиянами победы скандинавов с досадительными изображениями не токмо в такой речи быть недостойны, которую господину Миллеру для чести России и Академии и для побуждения российского народа на любовь к наукам сочинить было велено, но и всей России перед другими государствами предосудительны, а российским слушателям досадны и весьма несносны быть должны». В противоположность Миллеру Ломоносов, который также занялся русской историей и даже написал первый том своей «Древней Российской истории», изданный, впрочем, уже после смерти автора, нарисовал совершенно фантастическую картину древней истории русов и славян, в которой связав русов с пруссами и ругами, а русов с роксоланами, отодвинул происхождение славян ко временам Троянской войны и

приписал к славянству не только балтов, но и пафлагонов, мидян, амазонов и прочие древние народы, включая предводителей готов, вандалов, лангобардов и таких деятелей эпохи Великого переселения народов как Одоакр и Аларих. Такой подход продолжал исторические построения предшествующего времени, но даже для науки XVIII в. уже выглядел архаичным. Тем не менее, «патриотические» взгляды Ломоносова стали на некоторое время определяющими для русской истории. Так, почти с самого начала своей истории варяжская проблема оказалась заложницей идеологических предпочтений.

Накалу страстей до некоторой степени способствовала и позиция ещё одного выдающегося историка А.-Л. Шлёцера, который в своём многотомном труде «Нестор», увидевшем свет в самом начале XIX века сперва в Германии, а затем в России, возвёл представление о норманстве варягов в крайнюю степень. Именно «скандинавы, или норманны, по его мнению, в пространном смысле основали русскую державу», а до их прихода местные племена жили без всякого управления, «подобно зверям и птицам» (так он интерпретировал известную фразу Повести временных лет о том, что древляне и некоторые другие славянские племена жили «зверинским образом», понимая её буквально). Получалось, что именно норманны основали древнерусское государство – взгляд для того времени вполне объяснимый, если считать, что государство – дело рук конкретных людей.

Очень взвешенный подход к варяжской теме продемонстрировал Н.М. Карамзин в своей «Истории государства Российского». Со строго научной точки зрения он выдвинул шесть доказательств того, что варяги были скандинавами, причём пять из них до сих пор остаются непроверяемыми. Карамзин почти полностью очертил тот круг источников, который стал для «варяжской проблемы» на многие годы основным, а авторитет его «Истории» был настолько велик, что его взгляды надолго определили основную линию русской исторической науки. Именно Карамзин счёл призвание варяжских князей «началом Российской Истории». «Великие народы, – писал он, – подобно великим мужам, имеют своё младенчество и не должны его стыдиться: отечество наше, слабое, разделённое на малыя области до 862 года, по летосчислению Нестора, обязано величием своим счастливому введению Монархической власти». Начало истории русской монархии было для Карамзина одновременно и началом русской истории. На этом основании 862 год и стал в общественном сознании Российской империи годом создания Русского государства.

Вновь на широкую сцену норманский вопрос вышел в эпоху Александра II. В преддверии Великих реформ, когда началась либерализация общественной жизни, тема истоков России и начала русской истории вышла за пределы академических кругов и стала достоянием публичных дискуссий. В 1860 г. в Петербургском университете состоялся второй публичный спор о варягах, где в интеллектуальной битве сошлись М.П. Погодин, продолжавший идеи Карамзина, и Н.И. Костомаров, выдвинувший оригинальное предположение о литовском (!) происхождении варягов-руси (никем из других историков впоследствии не поддержанное). Перед студенческой аудиторией каждый из оппонентов приводил свои доводы, сопровождавшиеся живой реакцией публики, которая «была велика и обильна, а порядка в ней не было», как писали в прессе. Диспут в общем закончился ни чем, но он показал важность публичных споров по научным вопросам – открытости науки и выявил спорные моменты в ранней истории Руси. Известный литератор кн. П.А. Вяземский остроумно подвёл итог этому мероприятию: «Прежде мы не знали куда идём, а теперь не знаем и откуда».

Последний и самый серьёзный «залп» научного антинорманизма прогремел в 1876 г., когда увидела свет книга директора Императорского Эрмитажа С.А. Геденова «Варяги и Русь». Первый вариант её был опубликован ещё в начале 1860-х гг. и явно был вызван тысячелетним юбилеем варяжского призвания. Из всех антинорманистских гипотез гипотеза Геденова была наиболее тщательно обоснованной. Он доказывал славянское происхождение варягов, связывая их с племенами западных, балтийских славян (среди

которых были и вагры), населявших южное побережье Балтийского моря до прихода туда германцев. И хотя эта гипотеза так и не подтвердилась, книга Геденова сыграла большую роль в научной разработке вопроса. Она определила те вопросы, которые были ещё мало разработаны, показав всю сложность научного исследования проблемы. Лишь с накоплением археологического материала, развитием и совершенствованием методов лингвистики, текстологии и источниковедения в варяжском вопросе в области науки была поставлена точка. Трудami выдающихся исследователей – датского лингвиста и историка В. Томсена, историка и источниковеда А.А. Шахматова и других учёных конца XIX – начала XX в. было однозначно доказано и скандинавское происхождение варягов, и первых русских князей, подкреплена версия о скандинавском происхождении слова «русь». Развитие представлений об образовании государства снимало прежнюю остроту, которая придавалась роли варягов в этом процессе, и, казалось, варяжский вопрос навсегда останется уделом науки, а споры о нём уйдут в область истории. Но в советский период он вновь воскрес как феникс из пепла.

Конец 1930-х гг. был временем возрождения в Советском Союзе своеобразного «патриотизма». Наивысшего подъёма он достиг в послевоенный период на волне победы в Великой Отечественной войне и превращения СССР в ведущую мировую державу. Относительно «норманнской теории» ситуацию усугубило и то, что вульгарную мысль о создании Русского государства варягами-скандинавами (т.е., по сути, древними германцами) использовала в своих целях нацистская пропаганда. В конце 1940-х гг. «норманнская теория» стала страшным жупелом русской истории. Её создателями были объявлены трое «немецких учёных» – Байер, Миллер и Шлёцер. А сам норманизм представлялся именно таким, каким он был в их времена. Борьба с космополитизмом, «низкопоклонством перед Западом», отрицательно относившаяся к какому бы то ни было иностранному влиянию, делало норманизм орудием мировой реакции, стремившейся опорочить историческое прошлое русского народа. Рассказ летописи о «призвании варягов» объявлен «легендой, которая, хотя и включает в себя некоторые исторические черты, но, тем не менее, является лишь тенденциозным сочинительством летописцев», а начало русской государственности отнесено к VI–VII вв. И хотя впоследствии эта точка зрения корректировалась – общее направление официальной исторической науки советской поры было неизменным. В школьных учебниках по «истории СССР» образование Древнерусского государства датировалось IX в., а о Рюрике и варягах не говорилось ни слова. Ведущая роль в формировании официального взгляда на «варяжский вопрос» в советской исторической науке на протяжении нескольких десятилетий принадлежала академику Б.А. Рыбакову, популяризовавшего идею о происхождении названия «русь» от слова «Рось» – названия одного из притоков Днепра. Именно в Среднем Поднепровье, где сложился мощный союз славянских племён, в VI–VII в., по его мнению, началось образование русской государственности. К этому времени Б.А. Рыбаков относил и деятельность князя Кия, основателя будущей столицы Древней Руси. Рассказ же о призвании варягов считался маргинальным, а сам этот эпизод никакого значения в ранней русской истории не имеющим, как и сама роль варягов оказывалась практически ничтожной. Правда, версия о балтийско-славянском происхождении варягов официальной советской наукой не была возрождена (её пытаются возродить сейчас), но серьёзное обсуждение варяжской проблемы оказывалось практически невозможным.

С мёртвой точки варяжский вопрос был сдвинут только в 1965 г. и, прежде всего, в сфере археологии. К тому времени уже был накоплен значительный археологический материал, однозначно свидетельствующий не только о присутствии в VIII – X вв. на территории Древней Руси скандинавов, но и об их жизни там (жилища, ремесленные постройки, торговые центры, погребения). В 1965 г. в стенах Ленинградского университета состоялась новая дискуссия о варягах, третья со времён Миллера и Ломоносова, на которой оппонирующие стороны представляли – профессор И.П. Шаскольский и преподаватель кафедры археологии университета Л.С. Клейн. Материалы

дискуссии и работа Клейна, которая собственно и стала поводом для обсуждения, были опубликованы только недавно. Они составили книгу Л.С. Клейна «Спор о варягах. История противостояния и аргументы сторон» (СПб., 2009), которую можно рекомендовать всем, кто хотел бы углубиться в историю этого вопроса. Дискуссия открыла возможность более свободного обсуждения этой «опасной» для того времени темы, а главное, ознаменовала начало более взвешенного и научного её исследования. Постепенно трудами многих историков, археологов и лингвистов варяжская тема была вновь возвращена в научное пространство, а после снятия идеологических запретов, наша наука получила возможность не только свободного обсуждения ранее «запретных» тем, но и вернуться в русло науки общемировой. И варяги во главе с Рюриком, пришедшие на Русь в 862 г., вновь заняли законное и достойное место в отечественной истории.

Говоря о событиях, отражённых в летописи под 862 годом, необходимо остановиться и на сообщениях других письменных источников о Руси IX века, сведения которых хронологически относятся ко времени *до* летописной даты призвания Рюрика с братьями.

Это тем более важно, что древнерусские летописи, «отстоят» от описываемых в них событий, по крайней мере, на два века. Начало русского летописания, по-видимому, относится к эпохе Ярослава Мудрого (если не позже), т.е. ко второй четверти XI в. «Повесть временных лет» же была создана в начале XII в. Разумеется, она основывалась на более ранней летописной традиции, на устных источниках (т.н. комплекс сказаний о первых русских князьях) и даже включала в свой состав подлинные документы X в. – тексты договоров руси с греками 911, 944 и 971 гг., но всё же её известия о событиях середины IX в. не «аутентичны» им по времени. Именно поэтому, например, в летописных сообщениях используются названия, характерные для XI–XII вв., но не употреблявшиеся в IX – первой половине X в., как уже упоминавшееся слово «варяги». Тем более ценными для нас оказываются сведения письменных источников иностранного происхождения, созданных в IX – первой половине X в., т.е. современных эпохе образования Древнерусского государства. Именно в них мы встречаем первые упоминания о Руси и русах, и первое, однозначно бесспорное упоминание слова «русь», в форме названия народа – «рос», относится к 839 г.

Оно содержится в латиноязычных Бертинских анналах, которые были официальной хроникой Западно-франкского королевства, в той их части, которая принадлежит перу епископа Пруденция, придворного капеллана императора Людовика Благочестивого. По всей видимости, и это особенно важно, сам анналист был свидетелем описанного им события. Конечно, в историографии есть много упоминаний о разного рода известиях более ранних по времени, но сохранившихся в более поздних источниках – это сведения о походах руси на византийские территории в конце VIII и начале IX в., упоминания о русах арабских авторов, которые относят их деятельность к VI–VII в., но все эти источники имеют позднее происхождение и свою жанровую специфику (в частности сообщения о походах русов на Византию относятся к житийной литературе), а потому вызывают большие и обоснованные сомнения в их исторической достоверности. Поэтому абсолютно бесспорным самым ранним упоминанием русов в письменных источниках является именно сообщение Бертинских анналов.

Пруденций пишет, что в пятнадцатые календы июня, т.е. 18 мая 839 г. (это, таким образом, первая точная дата русской истории) к франкскому императору Людовику Благочестивому в его резиденцию, в Ингельгейм на Рейне прибыло посольство от византийского императора Феофила во главе с епископом Феодосием и спафарием (букв. «оруженосец», византийский титул) Феофаном. Послы стремились к подтверждению «мира и постоянного союза между обеими сторонами». В этот период Византия находилась в тяжёлом положении, находясь в состоянии войны с арабами. Феофил стремился заручиться поддержкой европейских правителей, и посольство к Людовику просило императора организовать нападение на север Африки, чтобы отвлечь силы

халифата от Малой Азии. Эта цель, впрочем, не была достигнута. Но для нас интересно другое.

Со своими послами Феофил «прислал ещё неких [людей], утверждавших, что они, то есть народ (*gens*) их, называются рос (*Rhos*) и что король (*rex*) их, именуемый хаканом (*chakanus*), направил их к нему (*Феофилу*), как они уверяли, ради дружбы. ...Он (*Феофил*) просил, чтобы по милости императора и с его помощью они получили возможность через его империю безопасно вернуться [на родину], так как путь, которым они прибыли к нему в Константинополь, пролегал по землям варварских и в своей чрезвычайной дикости исключительно свирепых народов, и он не желал, чтобы они возвращались этим путём, дабы не подверглись при случае какой-либо опасности. Тщательно расследовав [цель] их прибытия, император (*Людвик*) узнал, что они из народа свеев (*Sueones*), и, сочтя их скорее разведчиками и в той стране, и в нашей, чем послами дружбы, решил про себя задержать их до тех пор, пока не удастся доподлинно выяснить, явились ли они с честными намерениями, или нет. Об этом он... не замедлил сообщить Феофилу, равно как и о том, что из любви к нему принял их ласково и что, если они окажутся достойными доверия, он отпустит их, предоставив возможность безопасного возвращения на родину и помощь; если же нет, то с нашими послами отправит их пред его (*Феофила*) очи, дабы тот сам решил, как с ними следует поступить» (пер. А.В. Назаренко). К сожалению, Пруденций не сообщает, что произошло с этими послами дальше. Известие Бертинских анналов уникально не только потому, что это первое упоминание в письменных источниках о «россах» вообще и о русской государственности в частности, но и потому, что оно содержит ряд чрезвычайно интересных моментов.

Во-первых, в анналах передано самоназвание «народа» – «рос» (это латинское слово является транслитерацией греческого названия, а греческое отражает самоназвание). Именно в такой форме употреблялось это слово самими послами «росов», что в значительной степени укрепляет уже упомянутую лингвистическую гипотезу, согласно которой название «Русь» восходит через финское посредничество к древнескандинавскому корню, имеющему значение «гребля на речных судах».

Во-вторых, правитель росов, судя по сообщению анналов, носил титул хакан, каган, каковым именовались правители тюркских государств на юге Восточной Европы: Аварского и Хазарского каганатов. Это заставляет допустить, что титул правителя росов был заимствован у тюркских правителей, а именно у правителей Хазарского каганата, земли которого, вероятно, соседствовали с «каганатом» росов.

В-третьих, в качестве послов хакана росов выступают свеи, т.е. шведы, норманны, и даже более того, возможно, и сам народ росов идентифицируется в данном случае с норманнами. Конечно, в историографии существует большая литература на тему т.н. каганата росов. Идут дискуссии, существовало ли такое государство или нет, и где оно располагалось. Одни исследователи помещают «каганат» в Приднепровье (и даже связывают его с волынцевской археологической культурой Днепровско-Донского региона), другие значительно севернее – в районе Ростова, верхней Волги, Новгорода (Городища под Новгородом) или Ладоги. Вторая версия, как кажется, лучше соответствует данным источников. И действительно, скандинавские древности в первой половине IX в. сосредоточены только на севере Руси – в Приладожье и Приильменье. Одновременно осваивается Балтийско-Волжский торговый путь и лишь позднее знаменитый «Путь из варяг в греки» по Днепру. Если считать, что послы представляли правящую верхушку «каганата», то логично допустить, что это было государственное образование на севере Руси – как раз в тех районах, куда позднее пришёл Рюрик.

Однако, из самого сообщения Бертинских анналов что-либо определённое сказать насчёт местоположения каганата росов невозможно, поскольку информация, которую сообщили послы о себе, могла быть не во всём достоверной. Но в любом случае мы видим, что скандинавы выполняют дипломатические, а, может быть, и разведывательные

функции в Византии и в Западной Европе, представляя некое государственное образование росов на территории Восточной Европы.

Второе по времени сообщение о русах относится к арабскому миру – это самое раннее достоверное известие о русах в арабской литературе. В арабской традиции русов именовали «ар-рус», в отличие от славян, которых называли «ас-сакáлиба». Это сообщение относится примерно к тем же годам, что и прибытие «русских послов» в Ингельгейм, и принадлежит Абу-л-Касиму Убайдаллаху ибн Абдаллаху ибн Хордадбеху (ок. 820 – ок. 912). Ибн Хордадбех родился в знатной персидской семье – его отец был правителем Табаристана, области на южном побережье Каспийского моря. Сам Ибн Хордадбех был весьма образованным человеком, он служил начальником почты в провинции Джибал (на северо-западе Ирана), а позднее стал начальником всего почтового ведомства Халифата, проведя последний период жизни в Багдаде. Как чиновник, ведавший почтой, Ибн Хордадбех, естественно, был прекрасно осведомлён о торговых путях и, хотя сам никогда не предпринимал далёких путешествий, собрал обширную информацию о географии разных стран. Итогом стал его труд «Книга путей и стран» («Китаб ал-масалик ва-л-мамалик», завершена в 880-х гг.), приобретший со временем большую популярность. Считается, что существовало две редакции этого сочинения, причём интересующий нас рассказ есть уже в первой редакции, которая датируется 840-ми гг.

Это описание путей купцов-русов, которое следует после рассказа о торговом пути еврейских купцов, отправляющихся по морю от мусульманской Испании до восточных областей Халифата и дальше, в Индию и Китай. Далее следует такой пассаж:

«Если говорить о купцах ар-Рус (*русах*), то это одна из разновидностей (джинс) славян. Они доставляют заячьи шкурки (*или меха бобра*), шкурки чёрных лисиц и мечи из самых отдалённых [земель] славян к Румийскому морю (*Чёрному морю*). Владетель (сахиб) ар-Рума (*Византии*) взымает с них десятину (ушр). Если они отправляются по [Та?]нису – реке славян, то проезжают мимо Хамлиджа, города хазар. Их владетель (сахиб) также взымает с них десятину. Затем они отправляются по морю Джурджан (*Каспийскому*) и высаживаются на любом берегу. Окружность этого моря 500 фарсахов (*ок. 3 тыс. км*). Иногда они везут свои товары от Джурджана до Багдада на верблюдах. Переводчиками [для] них являются славянские слуги-евнухи (хадам). Они утверждают, что они христиане и платят подушную подать (джизью)» (пер. Н.М. Велихановой, ср. пер. Т.М. Калининой).

Таким образом Ибн Хордадбех описывает южную часть Великого Волжского пути, который ведёт из земель Руси на Каспий и далее в арабские страны. Существенно, что он считает русов «видом» славян, т.е., вероятно, определённой частью славянского мира, не в этническом, а в политико-экономическом смысле. Впоследствии, когда арабские авторы уже более детально познакомились с русами и даже имели возможность наблюдать их лично, как Ахмед ибн Фадлан в начале 920-х гг. в Булгаре, они стали чётко различать славян и русов, как два разных народа, и описывали их по-разному, причём в этих описаниях русы имеют совершенно определённые скандинавские черты. В сообщении Ибн Хордадбеха русы выступают в качестве купцов, торгующих с Востоком, хотя и не знающих арабского языка. При этом каким-то образом они знакомы с христианством, поскольку для того, чтобы выдавать себя за христиан (христиане платили меньшую торговую пошлину, чем язычники), нужно хотя бы на примитивном уровне что-то знать о христианской вере и обрядах.

Рассказ о путях купцов-русов свидетельствует, что торговый путь через земли Хазарского каганата на Каспий и дальше на Восток к 840-м гг. был уже хорошо освоен русами. Вероятно, путь по Волге связывал со странами Востока и север Руси, тот Ладожско-Ильменский регион, где присутствие скандинавов археологически прослеживается уже с середины VIII в., и где впоследствии закрепился Рюрик. Если это так, то земли гипотетического русского «каганата» могли достигать северной Волги и соприкасаться с зоной влияния хазар, которым, согласно, сообщению «Повести

временных лет», платили дань вятичи. А значит, русский «каганат» и хазарский были соседями (чем, вероятно, и объясняется появление у правителя росов тюркского титула). Верхнее Поволжье (в районе Сарского городища под Ростовом), так же как Ладога и «Рюриково» городище под Новгородом, рассматриваются как возможные центры этого государственного объединения. Если обратить внимание на его вероятные пределы, станет ясно, что они очень близки к тому региону, на который впоследствии распространилась власть Рюрика.

В то же самое время, когда купцы-русы добирались на востоке до Багдада, на западе русы-воины напали на мусульманскую Испанию (называвшуюся в восточных источниках ал-Андалус, т.е. Андалусией). Это событие не имеет отношения к восточноевропейским русам, но оно интересно, поскольку в нём упоминается наименование «ар-рус». Известие об этом событии первым зафиксировал в своей «Книге стран» арабский географ и историк Абу-л-Аббас Ахмад ибн Абу Йа'куб ал-Йа'куби. Эта книга была закончена им около 891 г., т.е. через полвека после описанных событий. «Западнее города, который называется Джазира (*Альхесирас на берегу Гибралтара*), [есть] город, называемый Севилья, на берегу большой реки. И в эту реку Кордовы (*Гвадалквивир*) вошли маджусы (ал-маджус), которых называют русами (ар-рус), в году 229 / 843–844, и грабили, и жгли, и убивали» (пер. Т.М. Калининой). Многие арабские авторы, начиная с X и по XVII в. более подробно описывают это нападение.

Оно началось 20 августа 844 г., когда маджусы появились на западном побережье Пиренейского полуострова около Лиссабона. В течение 13 дней с ними происходили сражения, но затем язычники напали на Кадис и вошли в устье Гвадалквивира. Несмотря на постоянное сопротивление, 25 сентября 844 г. они подошли к Севилье. Город был захвачен, многие жители убиты или попали в плен. Наконец, в ноябре 844 г. маджусы были разгромлены в сражении с войсками, мобилизованными эмиром Кордовы. «Большое число маджусов было повешено в Севилье, их подняли на стволы пальм, что были там» (ал-'Изари). Однако они ещё продолжали оставаться в Испании некоторое время, пока не ушли в Ниеблу, которую также разграбили, а затем в Лиссабон. Таким образом, поход маджусов был достаточно длительным, а арабам с большим трудом удалось избавиться от нападавших.

Маджусами арабы именовали те народы, которые поклонялись огню или использовали его в погребальных обрядах, т.е. сжигали покойников (персы-зороастрийцы, индусы и др.), а в более широком смысле так называли и всех язычников (включая славян и норманнов). Авторы, писавшие позже ал-Йа'куби, называют маджусов также ал-урдуманийун (ал-урманийун), т.е. норманнами. Иными словами, это было нападение викингов-норманнов, осуществлённое с севера, со стороны Атлантического океана, и не имевшее отношения к истории Восточной Европы. Но важно то, что ал-Йа'куби именует их русами, как арабы называли обычно восточноевропейских норманнов, что ясно свидетельствует о тождестве русов и норманнов в представлениях арабского мира.

Интересно, что это нападение вызвало, как кажется, единственное посольство арабского правителя в Скандинавию. Эмир Кордовы направил его к королю и королеве народа ал-маджус, и, как полагают, это посольство достигло Хедебю – крупного центра викингской эпохи на юге Дании.

18 июня 860 г. произошло знаменитое нападение русов на столицу Византийской империи – Константинополь, которое отразилось в сравнительно большом числе источников, в т.ч. и византийских (на византийцев набег русов, народа, о котором они раньше толком не знали, произвёл ошеломляющее впечатление). Именно из византийских источников сведения о походе попали и в русское летописание, однако, в Повести временных лет это событие ошибочно датировано 866 г. и приписано киевским князьям Аскольду и Диру, современникам Рюрика.

Время для нападения было выбрано чрезвычайно удачно – основные силы византийцев были отвлечены на войну с арабами, и войско во главе с императором находилось в

Малой Азии, на довольно большом расстоянии от столицы. Росы приплыли к Константинополю на кораблях, число которых в одних источниках называется 200, в других – 360. Согласно византийской хронике Симеона Логофета (сер. X в.), «василевс отправился в поход на агарян (*т.е. мусульман, потомков Исмаила и Агари*), оставив в городе для охраны его Оорифу, бывшего ипархом (*известного военачальника и флотоводца Никиту Оорифу, занявшего должность эпарха города – главы полицейской и судебной власти*), который, когда император... оказался уже у Мавропотама (букв. «Чёрная река»), дал ему знать о нашествии безбожных росов. И василевс был отвлечён от намеченного похода и той [цели], ради которой он в него отправился, и не совершил ничего царственного и достойного. Росы же, успев оказаться внутри Иерона (*мыс на Босфоре, т.е. у входа в Босфорский пролив*), совершили великое избиение христиан и проливали невинную кровь. Было же у них 200 судов, которые окружили город и внушили находящимся в нём великий страх» (пер. П.В. Кузенкова). Оставшаяся в Константинополе часть византийского флота, видимо, была небольшой, а, может быть, и малопригодной для ведения боевых действий.

Столица империи оказалась в осаде. Для защиты города патриарх Фотий прибегнул к «последнему» средству. Во Влахернах, районе Константинополя, расположенном вдоль залива Золотой рог, находилась церковь Пресвятой Богородицы, в которой хранилась великая святыня – покров Богородицы, принесённый в Константинополь ещё в V в. Вот как сам патриарх рассказывал о произошедшем: «Как только, оставшись безо всякой помощи и лишившись поддержки человеческой, мы воспряли душами, возложив упования на Мать Слова и Бога нашего... и, пронося Её облачение, дабы отбросить осаждающих и охранить осаждённых, я и весь город со мною усердно предавались мольбам о помощи и творили молебен... Истинно, облачение Матери Божией – это пресвятое одеяние! Оно окружило стены – и по неизреченному слову враги показали спины; город облачился в него – и как по команде распался вражеский лагерь... Ибо, как только облачение Девы обошло стены, варвары, отказавшись от осады, снялись с лагеря и мы были искуплены от предстоящего плена и удостоились нежданного спасения» (пер. П.В. Кузенкова). Итак, после обнесения омофора Богородицы вокруг городских стен, русы сняли осаду и стали уходить. С собой они увозили богатую добычу, что дало возможность автору «Венецианской хроники» капеллану дожа, диакону Иоанну, писавшему на рубеже X–XI в., утверждать, будто «упомянутое племя с триумфом отступило восвояси».

Между тем, в Константинополь вернулся император Михаил. Согласно Хронике Симеона Логофета, «василевс же, прибыв, едва смог переправиться (*через Босфор*). И отправились они с патриархом Фотием во Влахернский храм Божией Матери и там призывали к милости и состраданию Божество. Затем, вынеся с пением гимнов Святой омофорий Богородицы, они окунули его краем в море; и хотя стоял штиль, сразу же начались порывы ветров, и на спокойном море волны стали громоздиться друг на друга, и суда безбожных росов были разбиты, так что лишь немногие избежали опасности» (пер. П.В. Кузенкова). Буря, таким образом, уничтожила флот русов.

Примечательно, что уже упоминавшийся диакон Иоанн в «Венецианской хронике» однозначно называет участников похода на Константинополь в 860 г. «норманнами»: «В это время народ норманнов на трёхстах шестидесяти кораблях осмелился приблизиться к городу Константинополю...» (пер. А.В. Назаренко).

В «Хронографии» Продолжателя Феофана говорится о том, что «немного же спустя в царственный град (*т.е. в Константинополь*) прибыло их (*росов*) посольство, умолявшее сделать их сопричастными Божественному крещению, что и случилось» (пер. П.В. Кузенкова). Это первое крещение росов произошло ещё до 867 г., поскольку о нём говорится также в «Окружном послании» патриарха Фотия: «И ведь не только этот народ (*имеются в виду болгары, крещение которых произошло в середине 860-х гг.*) переменял прежнее нечестие на веру во Христа, но и даже сам ставший для многих предметом многократных толков и всех оставляющий позади в жестокости и кровожадности, тот

самый так называемый [народ] Рос, те самые, кто – поработив [живших] окрест них и оттого чрезмерно возгордившись – подняли руку на саму Ромейскую державу! Но однако ныне и они переменили языческую и безбожную веру, в которой пребывали прежде, на чистую и неподдельную религию христиан, сами себя охотно поставив в ряд подданных (*принявшие христианство от Византии народы считались в Империи как бы «подданными»*) и гостеприимцев вместо недавнего разбоя и великого дерзновения против нас. И при этом столь воспламенило их страстное влечение и рвение к Вере... что приняли они у себя епископа и пастыря и с великим усердием и старанием предаются христианским обрядам» (пер. П.В. Кузенкова). Конечно, в этом тексте заметно преувеличение достигнутых результатов, но бесспорно одно – какая-то часть русов в 860-х гг. приняла христианство, и, более того, к ним был отправлен епископ. Вероятно, внезапная гибель войска после в целом удачного похода на Константинополь могла повлиять на решение русов принять крещение.

Поскольку поход 860 г. датирован в «Повести временных лет» 866 годом и приписан Аскольду и Диру, а на могиле Аскольда некий Олма впоследствии поставил церковь Святого Николая, в историографии возникло предположение, будто бы Аскольд принял крещение после неудачного похода и даже носил христианское имя «Николай». Однако эта версия никаких прямых оснований в источниках не имеет.

Поход 860 г. свидетельствовал о наличии у русов серьёзной организованности – такое смелое предприятие могло быть осуществлено только при наличии какой-то, хотя бы примитивной государственности. Полагают, что «источником» похода было какое-то государственное образование в Приднепровье, возможно, с центром в Киеве – на тех землях, на которые, возможно, распространил свою власть т.н. «Русский каганат» в середине IX в. Причём и здесь существенная роль принадлежала скандинавам. Как бы то ни было, поход 860 г. «прославил» имя руси. «Повесть временных лет» отмечает, что с этого времени «нача ся прозывати Руска земля», т.е. «стала прозываться Русская земля», что поразительным образом соотносится с утверждением патриарха Фотия о том, что народ русов «получил имя от похода на нас», т.е. приобрёл известность.

В это же время название «Русь» становится известным и в Западной Европе. Второй половиной IX в. датируется текст т.н. «Баварского географа» – «Описания городов и областей к северу от Дуная», который, по всей видимости, был написан в швабском монастыре Райхенау (в верховьях Рейна) и «Баварским» называется лишь условно, как дань историографической традиции. Среди народов, в нём перечисленных, есть и народы Восточной Европы, в том числе хазары и венгры (которые в то время населяли степи Подонья или Северного Причерноморья). Рядом с хазарами (Caziri) «Баварский географ» называет и русов (Ruzzi). Предполагают, что эти сведения могли появиться в нём, благодаря брату Константина-Кирилла Св. Мефодию, который в начале 870-х гг., по-видимому, находился в изгнании в монастыре Райхенау (имена Кирилла и Мефодия в 870-х гг. были занесены в т.н. «Книгу побратимов» – поминальник этого монастыря). Под «русами» «Баварского географа», судя по месту, которое они занимают в тексте, следует, вероятно, понимать население Среднего Поднепровья, где, согласно летописным данным, обитали поляне.

К 860-м гг. русы были известны в немецких землях как торговцы. В грамоте Людовика Немецкого Альтайхскому монастырю (в восточной Баварии, на Дунае), в которой подтверждаются земельные приобретения обитатели на территории Баварской восточной марки, упоминается некая «Русарамарха» (Ruzaramarcha), в которой видят находившуюся на торговом пути вдоль правого, южного берега Дуная факторию – торговое поселение, где останавливались приплывавшие с востока по Дунаю русские купцы. Поскольку грамота Людовика датируется 862–863 гг., можно думать, что эта фактория уже просуществовала какое-то время. Наличие торговых путей русских купцов в Баварию подтверждается и «Раффельштеттенским таможенным уставом», который был составлен уже в начале X в. – между 904 и 906 гг. по распоряжению последнего восточнофранкского

Каролинга Людовика IV Дитяти в ныне не существующем Раффельштеттене, находившемся на Дунае близ современного австрийского города Линц. В этом источнике говорится о славянских купцах, отправляющихся «от ругов или от богемов» для торговли по Дунаю. Под «ругами» здесь подразумевается русь – это название древнего и к тому времени уже давно исчезнувшего племени неоднократно употреблялось по отношению у руси в западноевропейских источниках, написанных на латыни. Сопряжение же русов с богемами связано с тем, что торговый путь в Баварию шёл из Праги, откуда и приходили славянские купцы. Таким образом, уже в начале 860-х гг. функционировал торговый путь, связывавший Киев с Западной Европой сначала по Дунаю, а позднее через чешские земли. Торговали эти купцы воском, рабами и лошадьми. Существенно, однако, что упоминаемые в этих памятниках формы названия «русь» были заимствованы в южнонемецкие диалекты не позднее первой половины IX в., причём они имеют в корне долгий звук «у» и, следовательно, отражают исходное название именно в форме «русь», которое уже являлось самоназванием русов в то время.

Правитель Руси в это время продолжал, по-видимому, пользоваться титулом «каган». К 871 г. относится послание франкского императора и итальянского короля Людовика II (сына императора Лотаря I, племянника Людовика Немецкого и внука Людовика Благочестивого) византийскому императору Василию Македонянину. Оно дошло до нас в составе «Салернской хроники» X в. В этом документе Людовик сообщает, что «хаганом (chaganus) же... звался предводитель (praelatus) авар (Avares), а не хазар (Gazani) или норманнов (Nortmanni)...» (пер. А.В. Назаренко). Никакого кагана авар в 871 г. уже не существовало – Аварский каганат был разгромлен ещё Карлом Великим, а последний его правитель принял крещение. Так что в 871 г. применительно к правителю авар этот титул был чистым воспоминанием. Между тем, существенно, что Франкская империя не признавала титул кагана за главой Хазарского государства и за неким «государем норманнов», под которым подразумевался, вероятно, учитывая и сведения Бертинских анналов, правитель Руси. Из текста письма можно, как кажется, сделать вывод, что Византия эти титулы признавала. А значит, правитель Руси титуловался каганом не только в 839 г., но и в 871 г. Титул «хакан» применительно к правителю Руси упоминают и арабские авторы в рассказе об «острове русов», который восходит к IX в. Такой титул русского «государя» мог свидетельствовать, как полагают исследователи, с одной стороны, о его высоком статусе – как правителя, которому подчинялись другие правители, с другой – о его претензиях на независимое от Хазарии положение. По всей видимости, именно этот титул мог носить и Рюрик.

Таким образом, по-видимому, уже до Рюрика (если мы, конечно, принимаем летописную датировку его прихода на Русь 862 годом) на территории Восточной Европы существовало государственное образование русов и, более того, Русь получила известность на международной арене – в Западной Европе, Византии и в арабском мире. Это раннее образование в исторической науке обычно именуют «Русским каганатом». К концу 830-х гг., по всей видимости, это государственное образование охватывало земли севера Руси – районы Приладожья, возможно, Приильменя, а также верхнего Поволжья (район Ростова), где соприкоснулось с зоной хазарского влияния. Вероятно, под влиянием хазарской титулатуры, правитель «росов» стал пользоваться титулом «каган» («хакан»). Ведущая роль в этом государстве, по-видимому, принадлежала скандинавам, выступавшим в роли послов, купцов и воинов. К 840-м гг. русы освоили торговый путь по Волге на Каспий и по Дону в Азовское, а затем Чёрное моря, связавший Балтику с Византией и странами Востока. К концу 830-х гг. относится, по всей вероятности, одно из первых продвижений русов по будущему Пути из варяг в греки – по Днепру в Византию («посольство» 839 г.). Затем этот путь осваивается всё больше и больше, и центр «каганата» перемещается в среднее Поднепровье – во всяком случае, к 860 г. вполне определён. Это государственное образование организовало поход 860 г. на Константинополь, после которого какая-то часть русов приняла крещение. Оно же вело

торговлю и с немецкими землями по Дунаю (грамота Людовика Немецкого 862–863 гг.). Во всяком случае, в 871 г. титул кагана применительно к правителю русов, как можно думать, употреблялся (это подтверждает и арабский рассказ об «острове русов»). Закрепление варягов в Приднепровье, ослабило связи «каганата» с севером Руси. Здесь произошло изгнание взимавших дань варягов местными племенами «за море», упомянутое в «Повести временных лет» под тем же 862 годом, после чего, спустя какое-то время, они были «призваны» вновь. Тогда-то новым князем северорусских славянских и финно-угорских племён и стал Рюрик.

Призвание варяжских князей в 862 году в летописи описано так: «Изгнали варяг за море, и не дали им дани, и начали сами собой владеть, и не было среди них правды, и встал род на род, и была у них усобица, и стали воевать друг с другом. И сказали себе: «Поищем себе князя, который бы владел нами и судил по праву». И пошли за море к варягам, к руси. Те варяги назывались русью, как другие называются шведы, а иные норманны и англ, а ещё иные готландцы, – вот так и эти. Сказали руси чудь, словене, кривичи и весь: «Земля наша велика и обильна, а наряда в ней нет. Приходите княжить и владеть нами». И избрались трое братьев со своими родами, и взяли с собой всю русь, и пришли, и сел старший, Рюрик, в Новгороде, а другой, Синеус, – на Белоозере, а третий, Трувор, – в Изборске. И от тех варягов прозвалась Русская земля. ... Через два же года умерли Синеус и брат его Трувор. И принял всю власть один Рюрик, и стал раздавать мужам своим города – тому Полоцк, этому Ростов, другому Белоозеро. Варяги в этих городах – находники, а коренное население в Новгороде – словене, в Полоцке – кривичи, в Ростове – меря, в Белоозере – весь, в Муроме – мурома, и над теми всеми властвовал Рюрик». В этом сообщении «Повесть временных лет» даёт нам впечатляющую картину этнической ситуации на севере Руси, связанной с призванием Рюрика. Мы видим, что здесь существовало объединение разных племён, которое некоторые историки называли даже, на мой взгляд, слишком смело, «северной конфедерацией». Как бы то ни было на севере Руси взаимодействовали славянские и финно-угорские племена. Летопись называет два славянских племени – это новгородские словене и кривичи, занимавшие большую территорию на северо-западе Руси. Показательно, кстати, что в балтских языках, название русских восходит как раз к этнониму кривичи. Центром словен был Новгород, а центром северной части кривичей – Изборск. Финно-угорские племена занимали огромные земли, это были племена чудь, весь (центр Белоозеро), меря (центр Ростов), мурома (центр Муром). Объединение восточнославянских и финно-угорских племён и призвало Рюрика на княжение.

Местные племена пригласили Рюрика на княжение, чтобы обезопасить себя от вторжения других викингов, снять межплеменные противоречия и раздоры, укрепить функционирование торговых путей. Такие соглашения с норманнами хорошо известны в Западной Европе. Призванные князья имели ограничения своей власти и должны были считаться с традициями местных племён. В результате упомянутого в летописи «ряда», т.е., вероятно, устного договора, Рюрик с братьями (были ли реальными его братьями Синеус и Трувор – остаётся только гадать) и стали князьями на севере русских земель. Первым форпостом скандинавов на Руси был, правда, не Новгород (археологические слои на месте современного Новгорода ранее X в. неизвестны), а Ладога, стоявшая у впадения Волхова в Ладожское озеро. Археологические раскопки показывают, что Ладога существовала как город уже в середине VIII в. Скандинавское присутствие там было весьма значительным. По некоторым летописным известиям, Рюрик стал князем сначала в Ладоге, а уже затем в Новгороде. Под Новгородом, вероятно, следует понимать т.н. Рюриково городище под современным Новгородом, где известны археологические древности с середины IX в. Городище стояло у впадения Волхова в озеро Ильмень. Таким образом Ладога и Городище контролировали начало двух важнейших торговых путей Восточной Европы. Это и было ядром княжения Рюрика. Судя по летописи, власть Рюрика распространялась и на другие племена и охватывала большую территорию,

вплоть до верхней Волги на севере. Впоследствии объединением всё новых и новых восточнославянских племён прирастало Древнерусское государство наследников Рюрика.

Большую роль в становлении древнерусской государственности сыграли важнейшие торговые пути: один, более ранний, по Волге в Каспий (Великий Волжский путь), другой, более поздний, окончательно сложившийся только к концу IX в., путь по Днепру – «Путь из Варяг в Греки». По этим путям шёл с Востока поток арабского серебра – монет-дирхемов, которые выполняли роль своеобразной международной валюты того времени. Возможно, именно через Восточную Европу в шведский торговый центр Хельгё на озере Меларен попала даже статуэтка Будды, датируемая VI–VII вв. (!). В начале этих путей в начале IX века был сокрыт знаменитый Петергофский клад, найденный в 1941 г. На арабских дирхемах этого клада обнаружены граффити, т.е. процарапанные надписи, выполненные четырьмя разными системами письма (!) – греческими буквами (имя «Захариас»), скандинавскими рунами, арабской графикой и тюркскими рунами, употреблявшимися на землях Хазарского каганата.

Однако о самом Рюрике летописные сообщения кратки. Помимо вышеприведённого известия, летопись также говорит, что от Рюрика «откололись» его приближённые, варяги Аскольд и Дир, закрепившиеся потом в Киеве. Следующее после 862 года сообщение о Рюрике – это известие о его смерти, которая датируется в летописи 879 годом. Перед смертью Рюрик передал власть своему родичу Олегу, поскольку его собственный сын Игорь, был ещё очень мал.

Каково же было происхождение Рюрика и откуда он был родом, древнерусские источники не сообщают (по-видимому, это было для летописцев неактуальным). Из сведений летописи можно сделать лишь вывод о том, что Рюрик, возможно, принадлежал к какому-то скандинавскому правящему роду, поскольку был приглашён на княжение. Само имя Рюрик – это скандинавское имя *Hrærekr*, состоящее из двух основ. Первая его часть происходит от древнескандинавского слова *hróðr*, что значит «слава», вторая – представляет собой прилагательное в значении «могущественный, обладающий властью». То есть, имя Рюрик буквально означает «могучий славой». Имя это было распространено в основном в родах ютландских, т.е. датских правителей. Абсолютно реальными личностями были и летописные «братья» Рюрика – Синеус и Трувор. До сих пор популярная гипотеза о том, что это, якобы, не личные имена, а непонятные летописцем скандинавские словосочетания «свой род» и «верная дружина», абсолютно не выдерживает никакой критики (и, прежде всего, лингвистической). Что представляет собой имя «Синеус» не очень понятно, а «Трувор» – это скандинавское имя *Þórvarr* (*Þórvardr*), буквально означающее «страж Тора», скандинавского бога грома. Скандинавские имена носили также Аскольд и Дир. Имя сына Рюрика Игорь (Ингвар) восходит к имени другого скандинавского бога – бога плодородия Ингви. Олег и Ольга – это мужская и женская формы имени Хельги (Хельга), что значит «священный». Лингвистика однозначно свидетельствует о скандинавском происхождении элиты нарождающегося Древнерусского государства. Особенно показательны имена в договорах руси с греками, текст которых сохранила «Повесть временных лет». Так, договор от 2 сентября 911 г., заключённый при Олеге, начинается словами: «Мы от рода русского, Карлы, Инегелд, Фарлоф, Веремуд, Рулав, Гуды, Руалд, Карн, Фрелав, Руар, Актеву, Труан, Лидул, Фост, Стемид». По крайней мере 13 из 15-ти этих имён вполне определённо являются именами скандинавскими.

Примечательно, что в X веке русские князья упоминаются в иностранных источниках именно под своими скандинавскими именами. Епископ Кремонский Лиудпранд в своём труде «Антаподосис» («Возмездие», «Воздаяние»), написанном на рубеже 950-х – 960-х гг., упоминая о походе князя Игоря на греков в 941 г. называет его «Ингер». «Ингорем» именуется этого киевского князя в своей «Истории» византийский автор второй половины X в. Лев Диакон (рассказавший в своём труде о походах сына Игоря, Святослава). Такое же написание мы видим и в произведении Константина Багрянородного «Об управлении

Империей» («Сфендослав, сын Ингора, архонта Росии»). Тот же Константин Багрянородный, упоминая о приезде княгини Ольги в Константинополь, называет её «Эльга», т.е. буквально Хельга. В т.н. «Кембриджском документе», хазарском источнике 960-х гг., написанном на еврейском языке, «царь (верховный правитель – *melek*) Руси» именуется «Х-л-гу», т.е. Хельгу. Эти примеры показывают, что имена Олег, Игорь и Ольга звучали в X в. как «Хельги», «Ингвар» и «Хельга», а не так, как они представлены в «Повести временных лет», когда уже произошла их «славянизация».

Но вернёмся к Рюрику. Если исключить разного рода версии XVI–XVIII вв., вызванные идеологическими причинами (происхождение Рюрика от рода римского императора Августа) или опирающиеся на заведомо недостоверные источники (Рюрик – внук некоего новгородского «старейшины» Гостомысла), то, пожалуй, лишь одна гипотеза о происхождении Рюрика имеет научные основания и довольно длительную историю. Профессор Дерптского университета Ф. Крузе в 1836 г. предположил, что новгородский Рюрик тождественен скандинавскому конунгу Рорику, происходившего из рода ютландских конунгов и бывшему в IX веке правителем областей во Фрисландии, территории находящейся к западу от Ютландии, на побережье Северного моря. О нём сообщают латинские анналы Франкской империи, составившиеся в IX веке.

Рорик принадлежал к династии правителей Ютландии. У конунга Хальвдана было четверо сыновей: Ануло (Анулон), Харальд Клак, Регинфрид и Хемминг. К этой же семье принадлежал и Рорик. По всей видимости, он был племянником Харальда Клака. Ануло и Регинфрид были убиты в 810-х гг., а Хемминг – в 837 г., скорее всего, его сыном и был Рорик. Как бы то ни было, Рорик принадлежал к потомству Хальвдана. Вполне возможно, что именно этот Хальвдан ездил с посольством от датского короля Сигфрида к Карлу Великому в 782 г. Харальд Клак первым из датских конунгов принял крещение в 826 г. Это произошло близ Майнца, куда Харальд прибыл с семьёй и в сопровождении 400 датчан. От императора Людовика Благочестивого новообращённый конунг получил во владение область Рюстринген во Фрисландии. Впоследствии Харальд служил сыну Людовика – Лотарю I. Скончался он, по всей видимости, в 840-х гг.

Имя Рорика впервые появляется в анналах в 850 г., хотя ещё при жизни Людовика Благочестивого, т.е. до 840 г., он держал Дорестада в качестве бенефиция, а потом служил Лотарю I и Людовику Немецкому. Вот как описывают события 850 г. Фульдские анналы: «Рорик, по происхождению нордманн, который во времена императора Людовика вместе с братом Харальдом держал в качестве бенефиция город Дорестада, после кончины императора и смерти брата, обвинённый, как говорят ложно, в предательстве, был схвачен и брошен в темницу во владениях Лотаря, который сменил на престоле своего отца. Бежав оттуда, он сделался вассалом короля восточных франков Людовика, несколько лет жил в его владениях среди саксов, которые соседствуют с нордманнами, собрал значительный отряд данов и стал заниматься морским разбоем, опустошая те области государства Лотаря, которые прилегают к побережью северного океана. Он проплыл через устье реки Рейна к Дорестаду и захватил его. А поскольку король Лотарь не мог изгнать его без ущерба для своих людей, то с согласия совета и при посредничестве послов [Рорик] был принят в вассалы на том условии, что он должен будет отвечать [там] за налоги и прочие предметы, относящиеся к ведению королевской казны, и противостоять пиратским рейдам данов» (пер. В.В. Рыбакова). Дорестада, крупный торгово-ремесленный центр, находился в дельте Рейна (южнее современного Утрехта) и был важным перевалочным пунктом для рейнских судов, вывозивших товары на рынки Балтики.

В 855 г. император Лотарь передал Фризию своему сыну – Лотарю (II), а Рорик и Годефрид (сын Харальда Клака) отправились в Данию с надеждой «завладеть королевской властью». Но эта попытка не увенчалась успехом, и они вернулись в Дорестада и овладели большей частью Фрисландии. После смерти Лотаря I (в 855 г.) Рорик продолжал служить его сыну – лотарингскому королю Лотарю II (ум. в 869 г.). В 857 г. Рорик, сидевший в

Дорестаде, с согласия Лотаря, повёл флот в датские пределы и, преследуя короля Хорика II, захватил часть его владений – между морем и рекой Эйдер.

Следующее известие о Рорике относится к 863 г. Тогда, даны направились на кораблях к Кёльну, они опустошили Дорестада, где искали убежища фризы, убили многих фризских купцов и захватили в плен множество народа. Лотарь с войском с одной стороны Рейна и саксы с другой стороны подступили к данам и начали с ними переговоры. Затем викинги по совету Рорика ушли, «как и пришли». В том же году Рорик перешёл под покровительство западнофранкского короля Карла Лысого (ум. в 877 г.). В одном из монастырей близ города Ле-Ман Карл принял Годфрида, Рорика и британского графа Херивея и великодушно даровал им владения. По всей видимости, это были прежние владения Рорика во Фризии, поскольку уже к 867 г. Рорик был изгнан из Фризии местными жителями, и Лотарь II объявил по своему королевству сбор в поход против норманнов, полагая, что Рорик вернётся с войском данов.

После смерти Лотаря II в 869 г. на его наследие стал претендовать Карл Лысый, которому вскоре пришлось разделить владения покойного Лотаря с братом, Людовиком Немецким. В 870 г. Рорик заключил с Карлом Лысым союз в Нимвегене (город на реке Ваал в дельте Рейна). А два года спустя, в январе 872 г. Карл Лысый вёл переговоры с Рориком и сыном Харальда Клака Родульфом в монастыре Св. Ламберта в Льеже. В октябре в городе Трейэктуме (Маастрихте) на Маасе Карл ещё раз встречался с прибывшими к нему Рориком и Родульфом. Король «благосклонно» признал Рорика своим вассалом.

К маю 873 г. относится последнее упоминание о Рорике. Тогда Рорик стал вассалом Людовика Немецкого, который принял в Аахене приехавшего к нему «под поручительство» конунга и взял его под свою власть. При этом франкские анналы называют Рорика «желчью христианства». О судьбе Рорика после 873 г. ничего неизвестно. Ясно лишь, что в 882 г. его уже не было в живых (или о нём ничего не знали), поскольку в этом году новый император Карл III Толстый (сын Людовика Немецкого и преемник Карла Лысого на императорском троне) передал бенефиций в «Киннине» (земли в Голландии, названные по реке Киннем), которым владел Рорик, другому предводителю норманнов Годфриду.

Заманчивое отождествление Рюрика и Рорика поддержали несколько исследователей. Особенно основательную работу провёл русский эмигрант Н.Т. Беляев, опубликовавший свой труд в Праге в 1929 г. С тех пор гипотеза Крузе – Беляева популярна в исторической науке. Её признавали и Г. В. Вернадский, и Б. А. Рыбаков, и другие учёные. Конечно, окончательно доказать её невозможно. Ведь нет источников, в которых прямо бы говорилось о тождестве Рюриков, как не существует, впрочем, и источников, делающих это отождествление нереальным. Но в его пользу можно привести лишь косвенные доводы. Прежде всего, это тождество имён и хронологические лакуны в сообщениях европейских анналов: в эти промежутки Рорик вполне мог оказаться на Руси. Фрисландия поддерживала торговые связи с северной Русью. Археологические находки свидетельствуют, что уже во второй половине VIII века Ладога была вовлечена в сферу не только восточнобалтийской, но и фризской торговли, которая шла через Данию. Причём эти находки позволяют предполагать присутствие в Ладоге фризских ремесленников. Обращение же местных племён именно к ютландскому конунгу выглядит вполне логичным, ведь он не был непосредственно связан ни с Русью, ни с «варягами»-шведами, нападавшими на земли восточных славян. Расстояния, отделявшие Рорика от Русского Севера, для скандинавов, разумеется, не были непреодолимыми. Тем более знакома была им и Русь, где варяги присутствовали задолго до Рюрика. Датировка же русских летописей, как это неоднократно подчёркивалось исследователями, довольно условна, и зачастую события, растянувшиеся во времени, могли быть сведены к статье под одним годом. Тем не менее серьёзным возражением против тождества Рюриков являются сведения о встречах Рорика с Карлом Лысым в начале 870-х гг. Конечно, одновременно

управлять землями во Фрисландии и на севере Руси Рюрик не мог. Но его правление в Новгороде могло быть беспокойным, не исключена вероятность его длительной отлучки, возможно, он использовал Новгород и как своеобразный запасной вариант в своей бурной деятельности. Впрочем, это всего лишь догадки, никоим образом не влияющие на реконструкцию прошлого.

Интересно, впрочем, что только в 882 г. владения Рюрика окончательно переходят к его родичам. Не связано ли это с походом на Киев Олега, преемника Рюрика, и временным исключением Новгорода из сферы великокняжеского влияния? Вполне возможно, что, только потеряв тесную связь с новгородскими правителями, владельцы в Северной Европе решили распорядиться оставшимся леном Рюрика во Фризии по собственному усмотрению. В любом случае у нас нет достаточных оснований для того, чтобы отвергнуть версию о тождестве Рюрика и Рюрика, как не имеющую под собой никаких оснований. Так, что вполне возможно, что династия Рюриковичей на самом деле была ветвью одного из ютландских правивших родов, а сам Рюрик был весьма заметной фигурой «эпохи викингов в Северной Европе».

После Рюрика его преемники продолжили дело объединения под своей властью восточнославянских племён, тем самым, создавая Древнерусское государство. И опять-таки роль скандинавов на этих ранних этапах его формирования была весьма существенной. Освоение «Пути из варяг в греки» привело даже к определённой двуязычию в топонимике. В уже упоминавшемся трактате «Об управлении Империей» Константин Багрянородный приводит «росские» и славянские названия днепровских порогов. Семантически они, по сути, являются, кальками, но «росские» названия – это названия скандинавские.

Итак, совершенно очевидные известия древнерусских, латиноязычных, византийских, арабских и даже хазарских письменных источников свидетельствуют о том, что росы или русы – это, прежде всего, норманны, скандинавы, которые выступают в ранний период образования Древнерусского государства, во-первых, как воины, во-вторых, как послы, в-третьих, как торговцы, и, наконец, скандинавской по происхождению является и княжеская династия Руси. Эта область взаимоотношений славянского мира и скандинавского прекрасно отразилась в лингвистических заимствованиях в древнешведский язык из древнерусского языка и наоборот. В древнешведский язык из древнерусского перешли такие слова, как *торг*, *толк*, *лава* (скамья), *лука* (хомут), *граница*, *лодья* (ладья), *кош* (короб, корзина), *седло*, *соболь*, *хмель*, *шёлк*, а также тюркское по происхождению слово *безмен*. В древнерусском языке появился целый ряд слов скандинавского происхождения: *аск* (яск; отсюда – ящик), *гридь* (младший дружинник), *кнут*, *ларь*, *скот* (как обозначение денег, имущества), *стул*, *стяг*, *тиун* (управляющий у князя), *берковец* (мера веса, слово происходит от названия шведского города Бирка), *ябедник* (должностное лицо, судья; отсюда – ябеда), *якорь* и некоторые другие. Эти заимствования преимущественно относятся к военной и торговой лексике. Варяги на Руси безусловно, прежде всего, выполняли функции военные и торговые, и в этом качестве, как послы, как воины, как купцы, и, наконец, как князья сыграли очень важную роль в процессе образования Древнерусского государства.

Постепенно на Руси утвердилась власть лишь одной династии – Рюриковичей, и только представитель этой династии мог быть князем. Первые признаки этой традиции есть уже в рассказе о захвате Киева Олегом, который он оправдывает установлением в городе власти Рюрикова рода. Сам же Киев до прихода варягов-руси некоторое время, вероятно, находился под контролем Хазарии. Во всяком случае там жили не только восточные славяне и русы, но и хазары и иудеи. Небольшая иудейская община в Киеве существовала и в X в. Самый древний письменный памятник, происходящий с территории Руси, датируется первой половиной X в. Он написан на пергамене и был опубликован только в 1982 г. Но написан он не на кириллице, а древнееврейским письмом. Это как бы удостоверение личности, выданное иудейской общиной Киева одному из своих сочленов,

который отправился к другим еврейским общинам для сбора денег, чтобы отдать долг (сама киевская община, видимо, была небогатой и не смогла собрать всю сумму полностью). Судя по тому, что письмо было обнаружено в собрании рукописей синагоги в Фустате (средневековом предшественнике Каира), этот киевский иудей добрался в X веке до Египта. Письмо подписано несколькими членами киевской иудейской общины, среди которых есть одно очень интересное имя – «Гостята бар Кьябар Коген», принадлежавшее, вероятно, славянину, принявшему иудаизм и даже достигшему высокого положения в общине. А внизу документа, по одному из вариантов прочтения, тюркским руническим письмом стоит надпись «Я прочёл это» – резолюция чиновника Хазарского каганата. Так что даже при власти князей-Рюриковичей, контакты иудейской общины Киева проходили под контролем хазарского представителя.

Так, в процессе своего формирования Древняя Русь была не какой-то закрытой границами, жёсткой политической или социальной системой, а пространством, на котором активно взаимодействовали восточные славяне, финно-угры, скандинавский мир, хазарский, византийский, арабский, и в этом взаимодействии и взаимопроникновении и рождалась российская государственность.

Источники и литература:

Источники:

Повесть временных лет / Подготовка текста, перевод, статьи и комментарии Д.С. Лихачёва. Изд. 2-е, подгот. М.Б. Свердлов. М., 1996 (серия «Литературные памятники»).

Древняя Русь в свете зарубежных источников. Хрестоматия. Т. II. Византийские источники / Сост. М.В. Бибииков. М., 2010 (в т.ч. Окружное послание патриарха Фотия, «О церемониях византийского двора» Константина Багрянородного и др.).

Древняя Русь в свете зарубежных источников. Хрестоматия. Т. III. Восточные источники. М., 2009: Часть I – сост. Т.М. Калинина, И.Г. Коновалова (в т.ч. «Книга путей и государств» Ибн Хордадбега, «Книга стран» ал-Йа'куби, рассказ об «острове русов» в сочинениях X–XVI вв.); Часть II – сост. В.Я. Петрухин (в т.ч. Киевское письмо и Кембриджский документ).

Древняя Русь в свете зарубежных источников. Хрестоматия. Т. IV. Западноевропейские источники / Сост., перевод и коммент. А.В. Назаренко. М., 2010 (в т.ч. «Бертинские анналы», Послание франкского императора Людовика II византийскому императору Василию I, «Баварский географ», «Раффельштеттенский таможенный устав», «Антаподосис» Лиудпранда Кремонского, «Венецианская хроника» Иоанна Диакона).

Древняя Русь в свете зарубежных источников. Хрестоматия. Т. V. Древнескандинавские источники / Сост. Г.В. Глазырина, Т.Н. Джаксон, Е.А. Мельникова. М., 2009.

Древняя Русь в свете зарубежных источников / Под ред. Е.А. Мельниковой. М., 1999.

Голб Н., Прицак О. Хазарско-еврейские документы X века. Иерусалим, М., 2003.

Ибн Хордадбех. Книга путей и стран / Пер. с араб., коммент., исслед., указатели и карты Н.М. Велихановой. Баку, 1986.

Калинина Т.М. Арабские учёные о нашествии норманнов на Севилью в 844 г. // Древнейшие государства Восточной Европы. 1999 г. М., 2001. С. 190–210.

Константин Багрянородный. Об управлении Империей. Текст, перевод, комментарий. М., 1989 (серия «Древнейшие источники по истории народов СССР»).

Кузенков П.В. Поход 860 г. на Константинополь и первое крещение Руси в средневековых письменных источниках // Древнейшие государства Восточной Европы. 2000 г. М., 2003. С. 3–172.

Лев Диакон. История. М., 1988 (серия «Памятники исторической мысли»).

Мельникова Е.А. Скандинавские рунические надписи. Новые находки и интерпретации. Тексты, перевод, комментарий. М., 2001.

Назаренко А.В. Немецкие латиноязычные источники IX–XI вв. Тексты, перевод, комментарий. М., 1993 (в т.ч. «Баварский географ», Грамота короля Людовика Немецкого Алтайхскому монастырю и «Раффельштеттенский таможенный устав»).

Новосельцев А.П. Восточные источники о восточных славянах и Руси VI–IX вв. // Древнейшие государства Восточной Европы. 1998 г. М., 2000. С. 264–323.

Продолжатель Феофана. Жизнеописания византийских царей / Изд. подгот. Я.Н. Любарский. СПб., 1992 (серия «Литературные памятники»).

Литература:

Беляев Н.Т. Рорик Ютландский и Рюрик начальной летописи // Сборник статей по археологии и византиноведению. Т. 3. Прага, 1929. С. 215–270.

Вернадский Г.В. Древняя Русь. М.; Тверь, 1996.

Горский А.А. Баварский географ и этнополитическая структура восточного славянства // Древнейшие государства Восточной Европы. 1995 г. М., 1997. С. 271–282.

Горский А.А. Русь: От славянского Расселения до Московского царства. М., 2004.

Древнейшие государства Восточной Европы. 2005 г. Рюриковичи и российская государственность. М., 2008.

Кирпичников А.Н. Великий Волжский путь // Родина. № 11–12, 2002. С. 59–64.

Кирпичников А.Н. Сказание о призвании варягов: Легенды и действительность // Викинги и славяне. СПб., 1998. С. 31–54.

Клейн Л.С. Спор о варягах. История противостояния и аргументы сторон. СПб., 2009.

Коновалова И.Г. Древнейший титул русских князей «каган» // Древнейшие государства Восточной Европы. 2005 г. М., 2008. С. 228–239.

Коновалова И.Г. Состав рассказа об «острове русов» в сочинениях арабо-персидских авторов X–XVI вв. // Древнейшие государства Восточной Европы. 1999 г. М., 2001. С. 169–189.

Котляр Н.Ф. Древнерусская государственность. СПб., 1998.

Котляр Н.Ф. Киевская Русь и Киев в летописных преданиях и легендах. Киев, 1986.

Лебедев Г.С. Славянский царь Дир // Родина. № 11–12, 2002. С. 24–26.

Лебедев Г.С. Эпоха викингов в Северной Европе и на Руси. СПб., 2005.

Ловмянский Х. Рюрик Фрисландский и Рюрик «Новгородский» // Скандинавский сборник. Вып. VII. Таллин, 1963. С. 221–249.

Мельникова Е.А. Древнерусские лексические заимствования в шведском языке // Древнейшие государства на территории СССР. 1982 г. М., 1984. С. 62–75.

Мельникова Е.А. Древняя Русь и Скандинавия. Избранные труды. М., 2011.

Мельникова Е.А. Источниковедческий аспект изучения скандинавских личных имён в древнерусских летописных текстах // У источника. Вып. 1. Сб. статей в честь чл.-корр. РАН С.М. Каштанова. М., 1997. С. 82–92.

Мельникова Е.А. Тени забытых предков // Родина. № 10, 1997. С. 17–20.

Молчанов А.А. Древнескандинавский антропонимический элемент в династической традиции рода Рюриковичей // Образование древнерусского государства: спорные проблемы. М., 1992. С. 44–47.

Назаренко А.В. Древняя Русь на международных путях. Междисциплинарные очерки культурных, торговых, политических связей IX–XII веков. М., 2001.

Новосельцев А.П. К вопросу об одном из древнейших титулов русского князя // Древнейшие государства Восточной Европы. 1998 г. М., 2000. С. 367–379.

Носов Е.Н. Новгородское (Рюриково) городище. Л., 1990.

Пашуто В.Т. Русско-скандинавские отношения и их место в истории раннесредневековой Европы // Скандинавский сборник. Вып. XV. Таллин, 1970. С. 51–62.

- Петрухин В.Я. Древняя Русь: Народ. Князья. Религия // Из истории русской культуры. Т. I (Древняя Русь). М., 2000.
- Петрухин В.Я. Легенда о призвании варягов и балтийский регион // Древняя Русь: Вопросы медиевистики. № 2 (32), 2008. С. 41–46.
- Петрухин В.Я. Начало этнокультурной истории Руси IX–XI веков. Смоленск, М., 1995.
- Петрухин В.Я. Призвание варягов: историко-археологический контекст // Древнейшие государства Восточной Европы. 2005 г. М., 2008. С. 33–46.
- Петрухин В.Я. «Русский каганат», скандинавы и южная Русь: средневековая традиция и стереотипы современной историографии // Древнейшие государства Восточной Европы. 1999. М., 2001. С. 127–142.
- Петрухин В.Я., Раевский Д.С. Очерки истории народов России в древности и раннем средневековье. М., 1998.
- Пчелов Е.В. Рюрик. М., 2010.
- Рыбаков Б.А. Киевская Русь и русские княжества XII–XIII вв. М., 1993.
- Рыбаков В.В. Хроника Адама Бременского и первые христианские миссионеры в Скандинавии. М., 2008.
- Рыдзевская Е.А. Древняя Русь и Скандинавия IX–XIV вв. (Материалы и исследования). М., 1978.
- Свердлов М.Б. Домонгольская Русь: Князь и княжеская власть на Руси VI – первой трети XIII в. СПб., 2003.
- Седов В.В. Славяне. Историко-археологическое исследование. М., 2002.
- Славяне и скандинавы. М., 1986.
- Томсен В. Начало русского государства // Из истории русской культуры. Т. II. Кн. 1. Киевская и Московская Русь. М., 2002.
- Успенский Ф.Б. Скандинавы. Варяги. Русь. Историко-филологические очерки. М., 2002.
- Франклин С., Шепард Д. Начало Руси. 750–1200. СПб., 2000.
- Шахматов А.А. Сказание о призвании варягов. СПб., 1904.
- Щавелёв А.С. Славянские легенды о первых князьях. Сравнительно-историческое исследование моделей власти у славян. М., 2007.
- Янин В.Л. О начале Новгорода // У истоков русской государственности. Историко-археологический сборник. Великий Новгород, СПб., 2007.

БУРИ В ЗОЛОТОМ РОГЕ НЕ БЫВАЕТ! МИФ!!!